

ВВ взрывался идеями

(Окончание. Начало на 7—9-й стр.)

предвидение блестяще подтвердилось. Отсюда и выросла спиновая химия, которая стала большой областью науки. Мы не единственные занимались всеми этими проблемами. Большой вклад в спиновую химию внес академик А. Л. Бучаченко в Москве и член-корреспондент и директор института в Казани К. М. Салихов, который был когда-то нашим сотрудником.

Молин закончил свой рассказ, а Цветков решил его дополнить.

— Если перенести, — сказал он, — идеи ВВ в настоящее время, то надо вспомнить о двух примерах. Спиновая химия не только новое направление, но и очень интересное. Еще одно направление, которое тоже вытекает из идей Воеводского и сейчас начинает бурно развиваться, — так называемая нанохимия. Теперь это мощный рычаг для развития как науки, так и практики. Это самоорганизация, слабые комплексы и многое другое. Во времена ВВ эти направления даже не звучали. В то же время ВВ все время казалось, что не одна молекула взаимодействует с другой, а конгломерат, комплексы. В наше время комплексы «заиграли». И не только в химии, но и в материаловедении, электронике и в других отраслях.

— А еще в супромолекулярной химии, которая тоже бурно развивается, — уточнял Молин. — Мы не единственные занимались всеми этими проблемами. Большой вклад, например, в спиновую химию внес член-корреспондент и директор института в Казани Салихов, который тоже был когда-то нашим. Не говорю уже подробно о том, что и академик Пармон работал в лаборатории ВВ.

— Ничего себе школа! Сколько же членов академии наук она выпустила в свет?

— Напишите так: много, — посоветовали мне. — И вы не ошибетесь.

Простая арифметика: надо беречь теоретиков

Нынешнего директора института Сергея Андреевича Дзюбу попросил о том, чтобы

Доктор наук Сергей Андреевич Дзюба.

он в своем рассказе перекинул мостик от теории к практике. А потом маленько устыдился. Уж очень тривиальная просьба. Но привык. Задавал этот вопрос ученым десятилетиями. Так было временем предначертано. Теперь отвыкаю. Потому что в академических институтах главная забота по определению — получение новых знаний и разработка теории. От нее в итоге больше пользы. Она масштабнее, перспективнее, важнее. И химики в нашей беседе это раскрыли и доказали. Теоретическая слабость болезненно отзывается на всем: на жизни общества, на экономике, на высоких технологиях. Не случайно, теоретиков в фундаментальной науке во все времена ценили больше. Не раз научные школы распадались, когда они уезжали или уходили из жизни. И в исследованиях появлялись дыры, которые многие годы были не заштопанными. Простая арифметика: надо беречь теоретиков.

Управление и свобода

— Я вас хочу поблагодарить, — неожиданно сказал Дзюба, — за то, что вы хорошо разговаривали наших академиков. Обычно они молчаливы. Даже я не знал многое из того, что услышал на этой встрече. И никогда не видел, чтобы они диктофон вырывали друг у друга.

О Воеводском было рассказано очень хорошо. И мне нечего добавить, потому что по своему возрасту его, конечно, никогда не видел и с ним не работал. Но особую атмосферу института почувствовал сразу в свои двадцать лет, когда больше думаешь о развлечениях, свиданиях и отдыхе. Говорить на научные темы в моем кругу того студенческого времени считалось неприличным. А здесь впервые увидел молодых кандидатов наук, ходящих по коридорам, которые горячо обсуждали не футбольный матч, положим, а слабые взаимодействия. Меня это сильно удивило. И сразу понравилось, хотя признался себе я в этом несколько позже. Вскоре стал похожим на них. Потом понял, как умно и эффективно организован наш институт. Теоретики, экспериментаторы и инженеры-электронщики работали как единая команда. Любой из них был открыт для поддержки и помощи. Оценил я и то, что в институте точно и своевременно было определено, чем ему надо заниматься. Например, химической радиоспектроскопией. Потом спиновой химией, спектроскопией свободных радикалов и т. д. И эта давняя определенность хорошо проявляется до сегодняшнего дня. В нашем институте самый передовой и мощный в России центр по спектроскопии электронного парамагнитного резонанса. Все это выросло из той приборной базы, которая была создана еще при Воеводском. И из той, давней, атмосферы. У нас сохранилась свобода научного поиска. Например, когда я защитил кан-

дидатскую диссертацию, мне была предоставлена полнейшая свобода при выборе того, чем я буду далее заниматься. Никто ничего не определял и не давил. Что сам нашел для себя в науке, тем и занимайся. Но, разумеется, инструменты регулирования были. Это — общеинститутские семинары и ежегодные конкурсы. На них сразу становилось понятно, чего стоит то или иное направление деятельности и насколько успешно ты в нем развиваешься. Такое неявное регулирование может быть значительно более эффективным, чем прямое администрирование.

— А бывают ли в вашем коллективе конфликты?

— Бывают. Но они быстро гасятся в доброжелательной обстановке. Искры от них сгорают словно на ходу.

Перебежчики

Доктор наук Виктор Николаевич Панфилов.

Доктор наук Виктор Николаевич Панфилов окончил тот самый факультет, на котором учились ведущие ученые многих академических институтов. И наших тоже. Из Питера он приехал в Москву на преддипломную практику в институт химической физики. Этот физик очень хотел применять физические методы и представления для решения химических задач. Работал в одной лаборатории, но, договорившись, перебежал к Воеводскому. Также посчитал, что у него интереснее. ВВ демонстрировал, судя по числу перебежчиков к нему, редкую притягательную силу.

— И в каком-то смысле, — говорит Панфилов, — большую часть жизни я был исполнителем. Идеи генерировал. Идеи генерировал Воеводский, и в таком количестве, что их хватало на весь институт. Мне он предложил проверить одну из них. Что-то не получилось, а что-то получилось. Но получившийся новый метод исследований стал широко применяться. Так что я при Воеводском был скорее проверяющим, чем самостоятельным исследователем.

Панфилов с какой-то нарочитостью отводил себе слишком скромную роль. Он вполне самостоятельный ученый и для науки сделал немало. Но Панфилов так не считает, оправдываясь тем, что был проффоргом, ученым секретарем,

помощником Воеводского, помогал ВВ вести занятия в университете. Словом, у него было много общественных обязанностей. Однако его знаний хватало на многое. Например, когда Воеводский уезжал, лекции за академика читал именно Панфилов. А когда ВВ не стало, Виктор Николаевич целиком читал этот курс в НГУ.

Горох съели мыши

От доктора наук Николая Михайловича Бажина, как и от Панфилова и других собеседников, я ждал в рассказе о ВВ каких-то золотых деталей, так как повествование о научной школе уже сложилось. Но Бажин тоже шел по пройденному другими пути. Потому что и он окончил в Москве физико-технический институт, и он слушал там темпераментные и стремительные лекции Воеводского, которые студенты записывали на магнитофон, так как ручкой не пели. Неумная энергия ВВ производила впечатление удара.

— Мы с товарищем, — говорил Бажин, — после института никуда не перебежали, а сразу пошли в лабораторию к Воеводскому. Но в лаборатории был один Цветков, а все остальные уехали в Казань на конференцию. И чтобы хоть чем-то нас занять и позабавить, Цветков учил нас паять стекло. Лаборатория называлась «Механизмы гетерогенного катализа». Делать было нечего, мы пошли по институту и узнали, что в лаборатории никто не занимается гетерогенным катализом и у каждого совсем другое дело. Вскоре мы спросили у ВВ: «А почему никто не занимается гетерогенным катализом?» Воеводский секунду подумал, махнул рукой и на ходу бросил: «А-а-а, неважно, лишь бы польза была». Нам это понравилось. Моя

Доктор наук Николай Михайлович Бажин.

тема была — применение радиоспектроскопии в фотохимических реакциях.

А теперь я откликнусь на ваши просьбы о деталях и курьезах, связанных с ВВ. Первый был в Лондоне. Воеводский хорошо знал не только историю,

но и географию, многие города. Однажды в Лондоне он опаздывал в аэропорт.

Взял такси и по пути рассказывал таксисту, как в Лондоне ему быстрее проехать к аэропорту.

Второй случай сугубо научный. У ВВ были очень широкие интересы. Его однажды заинтересовало, как влияет радиация на прорастание гороха. Наш сотрудник Ермолаев вместе с Лебедевой из института цитологии и генетики облучали горох, потом его держали при температуре жидкого азота, а затем смотрели, как он растет. И вот один из сортов гороха, по представлениям ВВ, после какой-то дозы облучения должен был очень быстро расти.

Воеводский потребовал, чтобы этот эксперимент быстро провели.

Сказал и стал ждать результатов. Прошло время, а результатов нет.

ВВ еще подождет, а потом уже начал сердиться.

Наконец он не выдержал и строго спросил про результаты. Но их уже не могло быть. Экспериментаторы, смущаясь, признали, что горох съели мыши.

Кандидат наук Дмитрий Владимирович Стась.

Тридцатитрехлетний кандидат наук Дмитрий Владимирович Стась уже из того поколения, которое приходило в институты Академгородка не после МГУ или Физтеха, а после НГУ. Работает он в лаборатории Молина и занимается спиновой химией.

— Понятно, что я не застал Воеводского, но, всех внимательно выслушав, особенно наших патриархов, пришел к выводу, что мы сейчас работаем по тем же моделям, которые были при Владиславе Владиславовиче. У меня полная свобода действий. Полная поддержка всех научных начинаний и инициатив. Молодые ученые часто ездят на различные форумы и конференции за границу. Ограничений практически нет. Мы организуем разные молодежные семинары и приглашаем к себе специалистов со стороны. А под финал скажу, что я был первым лауреатом стипендии имени Воеводского. Вот, пожалуй, и все.

И для нашей беседы все. Она закончена.

Ролен НОТМАН.
Фото Сергея ДЯТЛОВА.